

Правда, наш разговор с Олегом Анофриевым был далек от обмена реверансами. Например, о моей профессии устами героя одной из написанных им пьес он выразился так:

*«Родись за час до родов,
Женись за час до свадьбы,
Умри за час до смерти -
Тогда ты журналист».*

Что это - насмешка или комплимент? А стихи в любом случае хороши.

- Вы много написали стихотворений?

- За всю жизнь набралась дай бог чтобы сотня стихов, если не считать текстов к сказкам, мюзиклам

сказать то, что я, наверное, не сумел в «Димке-невидимке» и других своих первых спектаклях. В результате появились многие иные работы, мультики, записи на радио. А потом я и сам стал сочинять сказки.

- Вы сумели сохранить тот же прекрасный голос, который мы все знаем по «Бременским музыкантам». Наверное, для этого много приходится заниматься вокалом?

- Нисколько. Хуже, чем я, к своему голосу из всех моих знакомых относился только наш знаменитый тенор Георгий Виноградов. Я позволяю себе все, на что не имею права. Например, певцу категорически противопоказана «парилка». А это одно из любимейших моих

ту на этот момент я причислял и себя. Поэтому пришел к началству с заявлением об уходе... А вышел из кабинета художественным руководителем.

- И что же вы как художественный руководитель сделали?

- Боюсь, больше придется говорить о том, что я собирался сделать. Мечтал превратить театр-развалюху, не ремонтировавшуюся несколько десятилетий, в творчески-коммерческий центр с клубом, дискотеккой, рестораном, казино. Придумал и хотел поставить спектакль «Парижская карусель», который начинался бы прямо в фойе с показа последних мод, миниатюрного «Монмартра». Художники на глазах у гостей театра писали бы

Олег АНОФРИЕВ:

«Перевоспитать меня не удалось...»

и т.д. И все же надеюсь издать когда-нибудь свой маленький сборник.

- Что вы еще успели сделать кроме этого?

- Немного. Музыку к тридцати или сорока песням, роли приблизительно в пятидесяти фильмах...

- Есть люди, которые играют в театре, в кино - и при этом сочиняют стихи или пишут песни. Вы, по-моему, перепробовали все это. Вот разве только картин не писали...

- Ну почему же? И картины писал. Только я считаю, что они не заслуживают «обнаrodования».

- В таком случае вы явно самый разносторонний актер, какого я знаю!

- Считаю себя не актером, а артистом. Почему люди эпохи Возрождения не боялись совмещать увлечение чуть не всеми музами - и плюс быть инженерами, химиками, ботаниками... Это признак артистической натуры.

Поймите, у меня никогда не было мании величия. Занимался всем, и при этом никогда не забывал, что я - просто мальчишка с Арбата, вернее, со Смоленской площади. А то, что перепробовал столько дел, - спасибо за это судьбе. Хотя и, увы, в результате вроде бы нигде не добился действительно «звездности».

- Есть ли у вас на совести грех, который вы и сегодня себе не простили?

- Есть. Я репетировал в театре «Дядюшкин сон» с обожаемой мною Раневской. И когда все было уже почти готово - мне внезапно предложили заграничную командировку. На съемки в Югославию, а она тогда считалась почти «капстраной». Ужасно любопытно было посмотреть. И я уехал. Хотя до сих пор считаю свой поступок предательством.

- Когда-то ваша карьера началась в Центральном детском театре. Потом были и пластинки для малышей, и специально написанные для них сказки. Что, работа с детьми - ваша «слабость»?

- Это сложно объяснить. Детский театр способен вызвать скорее антипатию к нашей юной публике. Если ты играешь «бяку» - в тебя вполне могут чем-нибудь из зала запустить, пнуть из рогатки. А уж как тебя при этом обзывают... Случалось, и пустые «четвертинки» находили в туалетах после «милых малышей».

И все же, когда я ушел из детского театра, у меня со временем появилась своеобразная ностальгия. Может быть, виновата Школа-студия МХАТ, где нас воспитывали не просто артистами, но просветителями. И у меня возникла потребность

удовольствий. Но голос каким-то чудом выдерживает хулиганское к нему отношение.

- Вы ведь еще пробовали себя и в амплуа художественного руководителя Театра киноактера.

- Да, но это произошло для меня самого совершенно неожиданно. Попал я в этот театр, как и большинство артистов, которые снимались в кино часто, но нерегулярно. А полагалось где-то «числиться». Театр киноактера был в этом отношении идеален. Я в нем двадцать лет «числился», практически ничего не делаю.

- И совесть при этом не мучила?

свои работы и тут же их продавали... Впрочем, хватит говорить о том, что не осуществилось.

Нет, я не считаю, что не мог бы быть приличным художественным руководителем. Но если бы видели фильм «Свадьба в Малиновке», то вспомните и гениальную фразу Попандупуло: «Какой же ты атаман, если у тебя нет золотого запаса?» Так вот, нельзя работать, если за творческий процесс отвечаешь ты, а деньгами распоряжается кто-то другой.

Но если говорить честно, наши разговоры о нищете актерской братии - отзвук все той же «уравниловки». Везде и во все времена пре-

самых разных амплуа. Например, в Театре оперетты выступил одновременно как автор либретто, композитор и режиссер-постановщик спектакля «Только не это, сеньор Хуан!»

- И долго он продержался в репертуаре?

- Всего один сезон. Но никто в этом не виноват, кроме меня самого. Мы знаем, что ребенка нужно воспитывать - хотя бы до определенного возраста. Спектакль - тоже дитя. Его создатель должен о нем заботиться, ходить на репетиции, время от времени что-то подновлять... Этот же спектакль стал сиротой-подкидышем. Мой самый

солдата», то не испытываю неловкости. Это для меня одновременно и коммерция, и удовольствие. Пожалуй, за всю жизнь я не выслушал столько добрых слов! Люди, которые покупают диски с моими автографами для своих детей, радуются - радуюсь и я.

- Ну, в творчестве вы разносторонни и переменчивы, «как ветер мая». А в быту?

- Если не считать моего супружеского постоянства (45 лет брака, согласитесь, немалый стаж), то и в быту я такой же. Променял, например, трехкомнатную квартиру в самом центре Москвы на дом в деревне, на берегу реки. Правда, это недалеко от города, минут двадцать на машине, и даже телефон есть - но жизнь совершенно иная. Знаю, что в Москву больше не вернусь.

- А как ваша жена относилась к бесконечным «зигзагам» вашего творческого пути?

- Как любая жена. Критиковала, конечно, предостерегала, что с моим непостоянством меня ждут неудачи - и часто оказывалась права. Но перевоспитать меня так и не сумела.

- Это она была «неважным» учителем или вы «трудным» учеником?

- Нет, просто, несмотря на 45 лет брака, каждый из нас оставался самим собой. Она - врач и так же, как снайпер, не имеет права ошибаться. А мне однажды один наш знаменитый деятель искусств сказал, что люди творческих профессий имеют право на ошибку. Можете считать это самоутешением, но я сам себе дал это право.

К тому же мы с женой научились жить скромно, используя по возможности ресурсы нашего приусадебного хозяйства.

- Курочек, козочек...

- Нет, до этого пока не дошло. У нас все же не ферма, а загородный дом, хоть там есть и сад, и огород, и теплица. И все равно это нам большое подспорье. Когда денег «внапуг» - мы относимся к этому философски. Думаю, для большинства сограждан такое положение привычно - ограничивать свои потребности.

- И как же вы сейчас живете? Знаете, например, что будете делать завтра?

- Конечно. Завтра у меня концерт.

- А через неделю?

- Не знаю и знать не очень-то хочу. В конце концов, я пенсионер.

- А через месяц, через год?

- Представления не имею! Жизнь покажет...

- Нисколько. У нас, в артистическом мире, существовало очень своеобразное правило. Те, кто снимался в кино, сорок процентов своего гонорара отчисляли в фонд театра. На эти средства он и существовал. Ставил новые спектакли, годами платил хоть нищенскую, но все же стабильную зарплату тем, кто нигде не играл. Так что я в те времена оплачивал не только собственные «простои», но и бесконечный «отдых» многих своих коллег.

- Что же изменилось?

- Все. К нам, как и ко всем, пришел «рынок». Контракты, строго оговоренные гонорары - и никакой благотворительности. Не стало привычных сорока процентов отчислений, в результате театр с «творческим» штатом человек в двести оказался банкротом. Тонущему кораблю необходимо было избавляться от балласта. К баллас-

успевали ведь единицы из тысяч. Мне случилось как-то поработать в Париже, в Театре Сары Бернар. Там две гримерные для звезд - каждая метров под тридцать. Огромные зеркала, скромненькие столики и стулья, и больше ничего. Для остальных артистов комнатки на энное число человек с допотопными рукомошкойками - этикие «свиношники».

Я могу только восхищаться артистами, и, заметьте, очень неплохими артистами, которые вовремя сумели понять, что в новой обстановке не прокормятся своей основной профессией. Не отказываясь при случае от подходящей роли, они идут в бизнес, открывают, например, собственные ресторанички - и преуспевают при этом.

- Но вы, как я понимаю, открывать свой рестораничек не собираетесь?

- Нет, хотя тоже пробую себя в

большой недостаток - сделав что-то, я теряю к этому интерес и целиком окунаюсь во что-то новое.

- Неужели так и не научились опекать своих «детишек»?

- Понемногу учусь. У меня перед глазами был великолепный пример. Когда появилась пластинка «Бременские музыканты», она тоже могла кануть в Лету. Но автор стихов Юрий Энтин, чтобы «раскрутить» этот почти никому тогда не известный мюзикл, в каждом городе, куда приезжал по делам, приходил в магазин грампластинок, давал послушать наше общее произведение... Отчасти и поэтому пластинка оказалась самой популярной у детей.

И когда сейчас в перерыве очередного своего концерта сам продаю золотые компакт-диски с «Бременскими музыкантами», «Как львенок и черепаха пели песню», «В порту» и «Сказку про русского